

УДК 809.454 (084.4)

ВЕПСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В НЕКОТОРЫХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ СЮЖЕТАХ НА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КАРТАХ ALFE: ТРАДИЦИИ, ИННОВАЦИИ, КОНТАКТЫ

Н. Г. Зайцева

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

В статье содержатся некоторые размышления по поводу группы терминов земледельческого характера, представленной на картах Лингвистического атласа прибалтийско-финских языков (Atlas Linguarum Fennicarum = ALFE). Как показывает анализ, в именовании таких понятий, как «подсека», «борона», «сноп», «навоз, помет», «молотить» и некоторых других, вепсский язык, в противовес, например, карельскому, примыкает к юго-западной прибалтийско-финской зоне в союзе с эстонским языком и юго-западными финскими диалектами, свидетельствуя о раннем проявлении элементов земледелия у вепсского населения и в связи с этим отчасти проливая свет на северные границы древневепсского расселения.

Ключевые слова: лингвистическая география, атлас, прибалтийско-финские языки, вепсский язык, языковые контакты.

N. G. Zaitseva. VEPSIAN MATERIALS IN SOME HUSBANDRY-RELATED PLOTS IN ALFE LINGUISTIC MAPS: TRADITIONS, INNOVATIONS, CONTACTS

The paper communicates some thoughts about the group of husbandry-related terms from maps of the Atlas Linguarum Fennicarum (ALFE). Analysis shows that in the naming of concepts such as «slash-and-burn», «harrow», «sheaf», «manure, dung», «thresh», and some others the Vepsian language, in contrast, for instance, to the Karelian language, adjoins the south-western Balto-Fennic zone in union with the Estonian language and south-western Finnish dialects, indicating elements of husbandry had appeared among Vepsian people quite early, and thus throwing some light upon the northern boundaries of the Old Vepsian settlement range.

Key words: linguistic geography, atlas, Balto-Fennic languages, Vepsian language, language contacts.

Лингвистические атласы могут быть посвящены какой-то одной проблеме, которая решается путем представления ее средствами лингвистической географии, могут быть многоплановыми, комплексными, дающими информацию о разных сторонах материальной и духовной культуры народов, интересных для различ-

ных научных дисциплин. Такого рода атласом является Лингвистический атлас прибалтийско-финских языков [Atlas Linguarum Fennicarum = ALFE: см. Карта-основа 2, на которой проиллюстрированы современные ареалы расселения прибалтийско-финских народов. Все карты, использованные в данной

статье, подготовлены сотрудницей Научно-исследовательского центра (НИЦ) языков Финляндии Аннели Хяннинен], который создавался в течение почти двух десятков лет международным коллективом авторов из Финляндии, Эстонии, Карелии. Весь труд включает в себя три тома, которые вышли в 2004, 2007 и 2010 гг. Главным редактором всей работы был профессор Туомо Туоми из Финляндии, а каждый том имел собственного редактора: I том редактировал профессор Сеппо Сухонен из Финляндии, II том – профессор Тийт-Рейн Вийтсо из Эстонии, III том – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН В. Д. Рягов. В первом томе сосредоточены карты, посвященные различным важным явлениям окружающей жизни: страны света, именованья различных отрезков времени и дней недели, ориентация в пространстве и т. д., во втором – карты, посвященные анатомии и физиологии человека, его интеллектуальной деятельности, терминологии родства, животному и растительному миру, названию оттенков цветовой гаммы т. д., в третьем, представляющем особый интерес для этнологов, – карты, посвященные развитию терминов земледелия, животноводства, охоты, ремесел, домашнего хозяйства, средств передвижения и т. д.

Несмотря на то что целью лингвистического атласа является нанесение на карты языковых явлений, а географические реалии на нее не наносятся, материалы любого лингвистического атласа, несомненно, могут свидетельствовать о том, насколько ландшафтные реалии влияют на расселение людей, на расположение этнических сообществ и даже на формирование традиционных занятий и, таким образом, на распространение языковых явлений. Например, большие водоемы, с одной стороны, разъединяли людей, с другой стороны, соединяли, так как появлялись другие возможности для общения, другие магистрали для путей передвижения и языковых и культурных контактов. Это исключительно наглядно демонстрируют карты атласа. В качестве одного из примеров можно привести географические рефлексы по распределению слов *kesä* и *suvi*, обозначающих понятие «лето». Они характеризуют исторические морские контактные зоны: весь эстонский ареал и прибрежный юго-запад Финляндии с лексемой *suvi* противостоит остальной прибалтийско-финской зоне с лексемой *kesä* [см. карта «Лето (*kesä/suvi*)»; см. также ALFE, 2004. С. 303].

Если бы была возможность совместить лингвистические карты с их географическими реалиями, то можно бы проследить воздействие не-

которых ландшафтных, административных и исторических факторов на распространение именно языковых явлений. Для возможности привлечения их к сопоставлению при исследовании к первому тому ALFE приложены карты диалектных ареалов, границ водных бассейнов, карты с нанесением на них постоянных поселений Финляндии XV в., монастырей в Средние века, крепостей в 1540-е гг., границ по Ореховецкому миру (1323 г.), по Тывзинскому миру (1595 г.), по Столбовскому миру (1617 г.) [см. ALFE, 2004. С. 456–464], которые также наложили свой отпечаток на развитие диалектных ареалов.

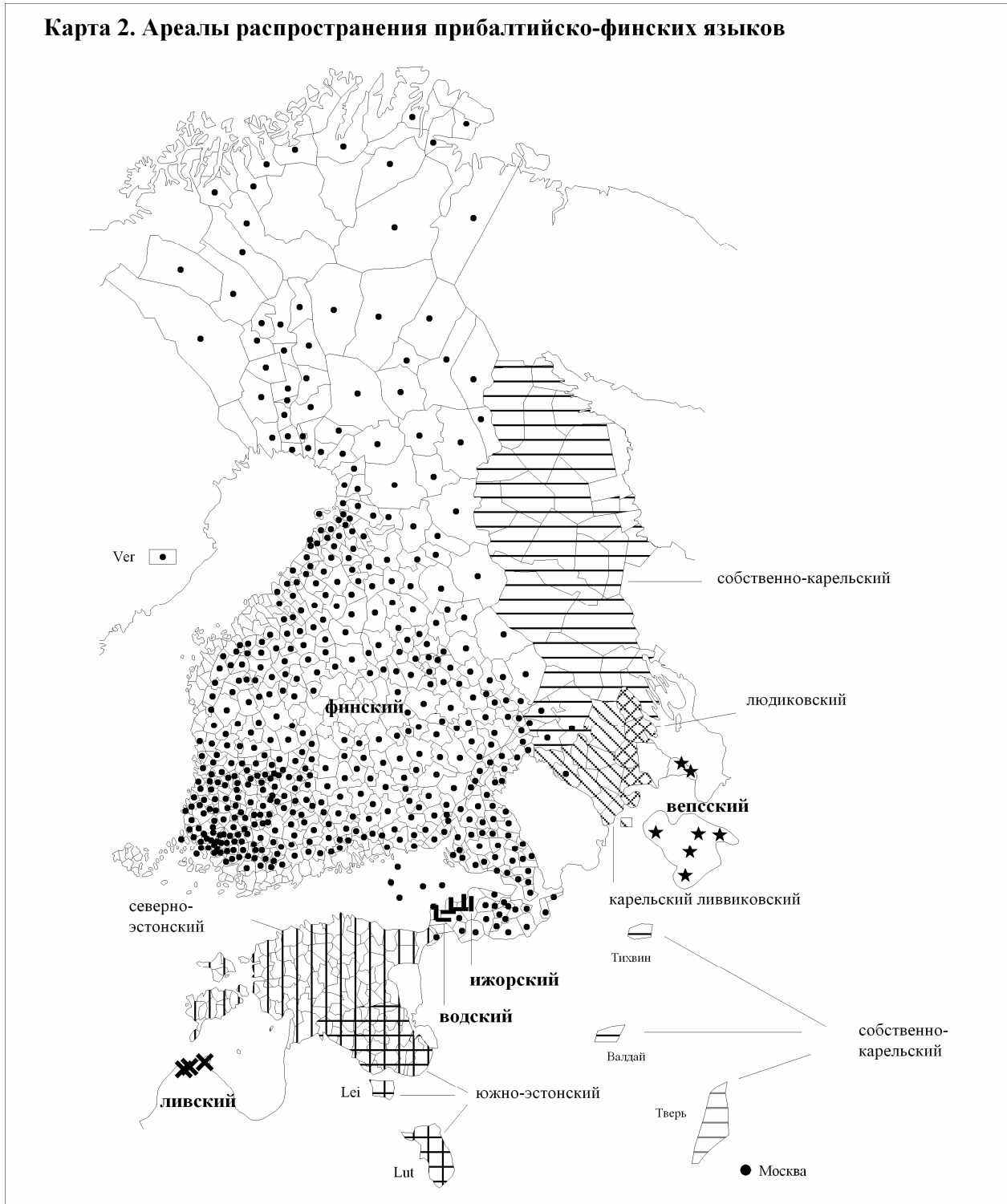
Как известно, влияние ландшафтных и географических факторов особенно наглядно проявляется в топонимике. Так, например, география распространения топонимов, сложившихся на основе прибалтийско-финской лексики *niini* «липа», подсказала И. И. Муллонен идею о сельскохозяйственных приоритетах создателей названной топонимной модели [Муллонен, 2010. С. 17] вопреки уже бытующим в науке утверждениям об их главным образом промысловом характере жизнедеятельности. Исходя из ареала бытования данной топонимной основы, отражающей реальные границы территории произрастания дерева, она пришла к выводу, что продвижение на север населения (в данном случае речь идет, прежде всего, о сложении северной границы вепсов), которое свою жизнедеятельность обеспечивало сельскохозяйственными занятиями, было проблематичным. В этом случае северная граница исторической вепсской территории накладывается на северную границу бытования топонимов с основой *niini/-nin'* «липа». Именно липа, как известно, является на севере маркером наиболее пригодных для земледелия земельных участков. Исходя из этого, автор идеи делает предположение о земледельческом характере вепсской традиционной культуры.

В этой связи отметим, что третий том ALFE содержит некоторое количество карт, посвященных земледельческим терминам, подтверждающим высказанную идею. Моменты подсечного земледелия, которое было своеобразной прелюдией к переходу на серьезные занятия земледелием, вепсами, как показывает материал, были освоены в полной мере [ALFE, 2010. С. 66], поскольку во всех диалектах без исключения функционирует лексема *kas'k* «подсека», свидетельствуя о ее правепсском наследовании. Этимологи, в свою очередь, полагают, что она является древним индоевропейским заимствованием [**h₂cas-g(h)-* < **h₂ses* «гореть»: Koivulehto, 1986. S. 171; SSA-I, 323; ALFE, 2010. С. 64–66], пришедшим именно

через распространение земледелия. Причем, войдя в прибалтийско-финские языки, данная лексема семантически разветвилась, приобретя ряд конкретных значений, которые также были обращены отчасти к подсечному земледелию. Вырубка лесов для занятий земледелием истощала лесной фонд, и земледельцы вынуждены были возвращаться к заброшенным подсекам, поросшим молодым лиственным ле-

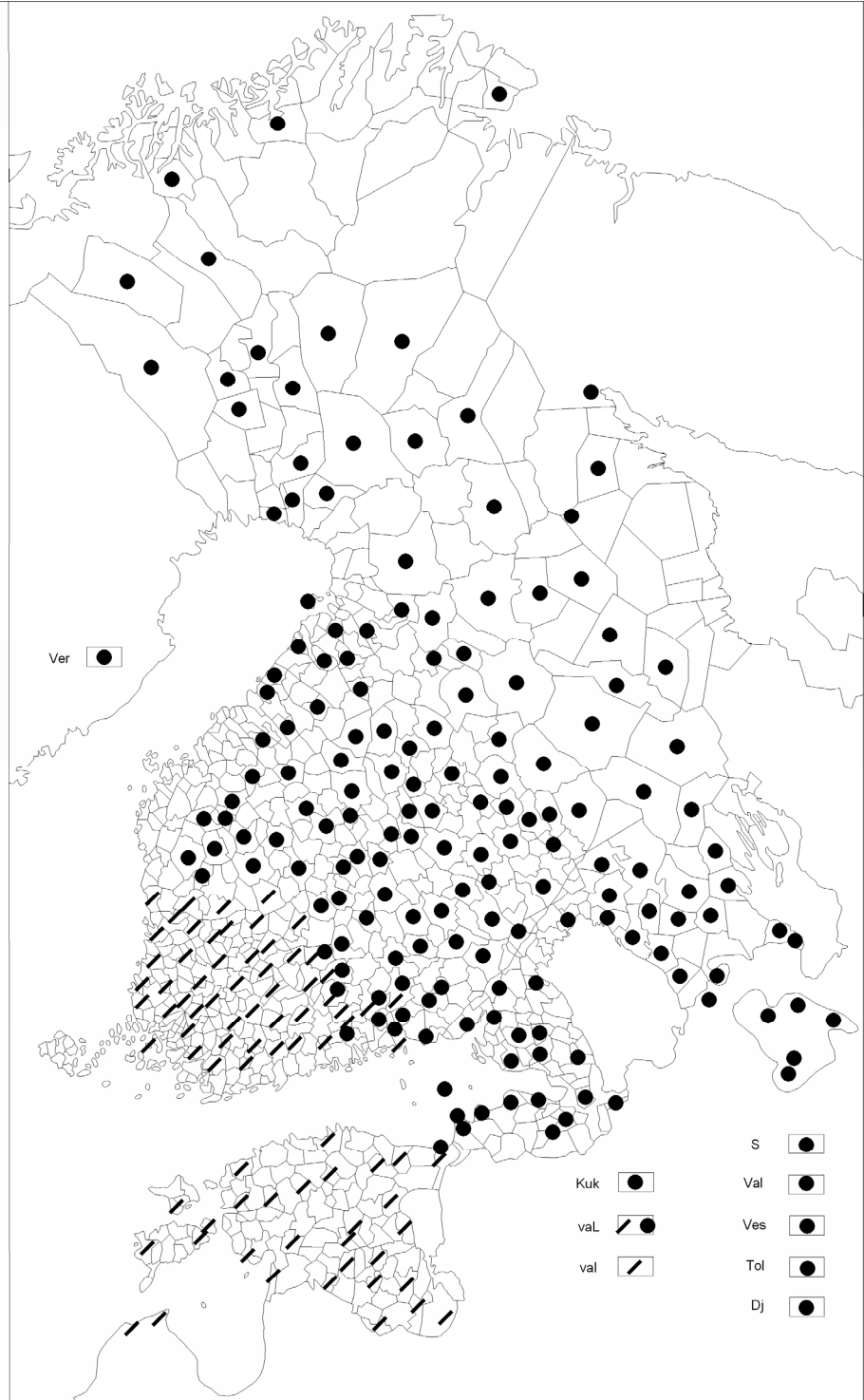
сом, и таким образом слово *kaski*, обозначавшее первоначально «лес для сжигания», приобрело значение «молодой лиственный лес», а также «березовая ветвь» и «молодая береза» (последнее значение получило широкое распространение особенно в западных говорах Финляндии и эстонском языке), иллюстрируя возможности появления и развития семантических инноваций [ALFE, 2010. С. 63].

Карта 2. Ареалы распространения прибалтийско-финских языков

67. ЛЕТО

● *kesä*
/ *suvi*

Сам термин *kas'k* в вепском языке стал частью некоторых сложных слов, например, *palo/kas'k* «сожженная подсека», *rebei/kas'k* «костер для сжигания кострики». Лексема *rebei/kas'k*, несомненно, вносит элемент дальнейшего продвижения в фазах земледелия, более глубокого внедрения их в быт народа, о чем свидетельствует и возникновение их связи с народными поверьями. Как полагает исследователь вепской мифологии И. Ю. Винокурова,

первая часть названного сложного существительного *reboi(/kas'k)* «лисица» использована не случайно: лексема *reboi* выступает здесь как символ огня, который характеризовал подсечное земледелие. Лисица символизировала огонь и у некоторых иных народов, например, у карелов, финнов, русских. Причем, по мнению И. Ю. Винокуровой, у русских этот мифологический образ может иметь прибалтийско-финское происхождение [Винокурова, 2006. С. 127–129].

На вепсской почве, как впрочем и в родственных языках, возникли и иные лексемы, которые тесно связаны с подсечным земледелием. Это, прежде всего, термин *palo* «пожога; подсека» и разного рода сложные слова, в которых *palo* выступает в качестве определения видов работ или орудий труда, используемых при обработке подсеки, напр.: *palo/kas'k* «сожженная подсека», *palo/pud* «недогоревшие деревья на подсеке», *palo/adr* «соха, которую использовали на подсечном поле», *palo/liib* «хлеб, выращенный на подсеке», *palo/nagriž* «репа, выращенная на подсеке», *palo/püuvaz* «лен, выращенный на подсеке», *palo/rugiž* «рожь, выращенная на подсеке» и т. д. [см.: СВЯ, 1972. С. 398], характеризующая развитие подсечного земледелия. Слово *palo* легко объяснимо: это отглагольное существительное, происшедшее от исконного прибалтийско-финского глагола **palađak* [ср. вепсское *palada* «гореть». См.: SSA-II, 1995. С. 298] > существительное *palo* «сжигание; жога; подсека». В этой связи интересно отметить, что суффикс отглагольного существительного -о в слове *palo*, продуктивный во многих родственных языках и некогда активно используемый в словообразовательной системе вепсского языка (напр., *tego* «действие, поступок» < *tehta* «делать»; *pago* «бегство» < *pageta* «быстро убежать, исчезнуть» и т. д.), стал восприниматься в нем сегодня неким анахронизмом и, к сожалению, практически не поддается возрождению в настоящее время – время воссоздания вепсской письменности и создания литературных традиций его языка. Причем это произошло достаточно давно, поскольку характерно для всех диалектов вепсского языка. Поэтому и понятие «пожар», которое также было предметом внимания коллектива создателей ALFE и которое в большинстве языков обозначается именно лексемой *palo* (или *tuli/palo*), в вепсском языке не имеет соответствия, а также и собственного наименования, называясь русским заимствованием *požar* [ALFE, 2004. С. 107].

С точки зрения истории развития земледельческой терминологии для вепсского народа интересны языковые и этнографические сюжеты, связанные с понятием «борона», обладающим в прибалтийско-финском регионе несколькими именованиями: *äes*, *karhi*, *hara*, *astuva*. Наиболее широко среди названных терминов представлена лексема *äes*, функционирующая в вепсском языке и сейчас в форме *ägez*. Она является наиболее древней и, по предположениям этимологов, обладает балтийскими корнями < *ekĕcios*, *akĕcios* «борона» [SSA-III, 2000. С. 494]. Анализ материалов атласа (автор комментариев по понятию Т. Туо-

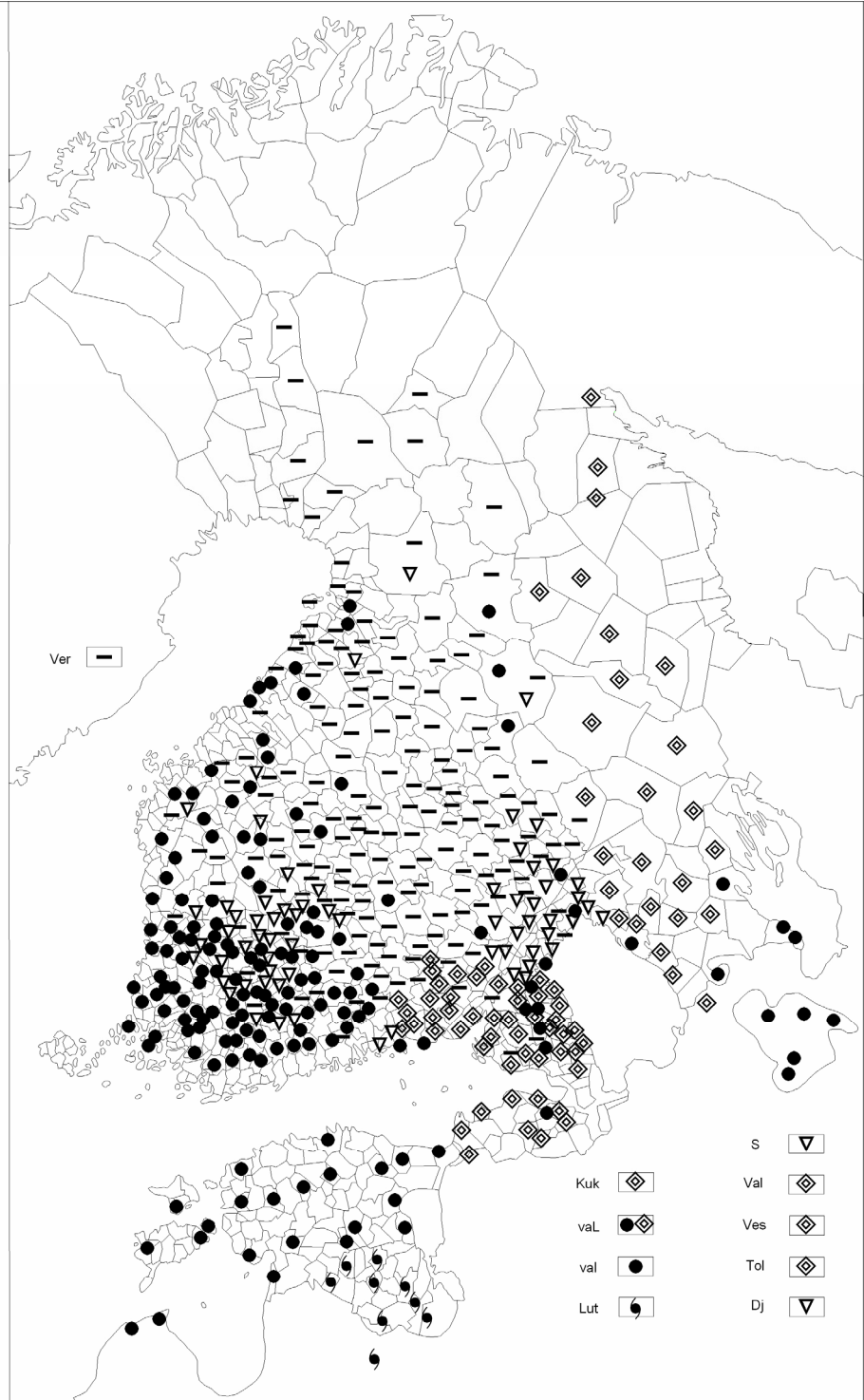
ми) показывает, что в эстонском регионе, кроме того, известны разновозрастные заимствования данной лексемы [в нем функционируют и более поздние заимствования *ägel*, *ägli* < < латвийское *egle* «ель»; см. по этому поводу также Vaba, 1977. С. 113], на основании которых можно судить о мотиве происхождения именования бороны в балтийских языках: это были сучья ели, используемые для разрыхления и покрытия семян землей. В этом случае очевидно, что слово было заимствовано вместе с назначением предмета, поскольку прибалтийско-финские языки уже обладали собственным древним наименованием ели [*kuusi*: SSA-I, 1992. С. 460].

В карельском языке лексема *äes* употребляется не столь часто: при сборе материала она была отмечена лишь в одном ливвиковском пункте, а также в двух людиковских, где они могут являться вепсским наследием. На ее месте в большинстве карельских говоров выступает более поздняя лексема *astuva* [< древнерусск. *остень*~*остен* «шип, острие»: Фасмер-III. С. 165; ср. также русское диалектное *остень* «игла, жало, острие, острый шип, острый наконечник трости»: Даль-3. С. 321; см. также SSA-I. С. 87]. Лексема *astuva* (*astiva*, *astova*, *astoin*) в данном случае является своеобразным маркером всей карельской территории, объединяющим язык в единое целое [карта «Борона»; см. также ALFE, 2010. С. 67]. Отметим, что лексема *astuva* характерна и для всех тверских говоров карельского языка [см. о переселении карелов, напр., Karjala..., 1998. С. 327], свидетельствуя о довольно раннем ее происхождении и, в свою очередь, углубляя возраст и лексемы *äez*~*ägez*.

Все наречия карельского языка в данном случае противостоят вепсскому языку. Последний выступает как язык юго-западной группы в союзе с эстонскими диалектами и западными финскими диалектами, свидетельствуя на уровне лексики о большей древности сельскохозяйственных занятий у вепсов. В этом случае любопытен факт определенного единения вепсских и эстонских диалектов, которые, по мнению авторов атласа, имеют под собой определенную почву, и одна из задач, заложенная еще при разработке вопросника, заключалась отчасти именно в выяснении положения южноэстонских диалектов и вепсского языка в прибалтийско-финской языковой семье [ALFE-I, 2004. С. 17]. Таким образом, вепсский материал по именованию понятия «борона» занимает более древнюю позицию по отношению ко всему карельскому языку в целом.

213.1. БОРОНА

- ◊ *astuva*
- ▽ *hara*
- *karhi*
- *äes*
- ⌘ *ägel*

В атлас было включено понятие «сно́п», при сборе материала по которому составители атласа предложили ограничиться одним формативом LYHDE [ALFE, 2010. С. 96]. Как показал материал, в вепсском языке данный форматив не представлен. На его месте выступает русское заимствование *snar* (< русск. *сно́п*). Термин *lyhde*, по представлениям исследователей, самостоятельно развился на прибалтийско-финской почве и этимологически связан с

лексемами типа *liuhtoa* «махать, взмахивать», *liuhta* «метла, метелка, веничек» [SSA-II. S. 116]. Он обозначает не только сно́п, но и многие другие связанные пучки. Вполне определенно можно сказать, что данный форматив не является достаточно древним в культуре земледелия, поскольку его следов нет не только в вепсском, но и в эстонском (наиболее древнем земледельческом народе), водском, ливском языках, т. е. лексема LYHDE, избранная для

атласа в качестве форматива, оказалась не столь удачной. Вполне возможно, что значительно больше сведений принес бы сбор вариантов именований самого понятия «сноп», который мог бы расширить объем историко-языковой информации. Кроме того, подчеркнем, что вепсская лексема *snar* по своему вокализму, т. е. по представительству в первом слоге гласного *a* (*snar*) на месте русского *o* (*сноп*) отражает древнерусское состояние вещей, свидетельствуя о довольно раннем возрасте заимствования [см., напр., Kalima, 1919. S. 47].

В земледельческой терминологии исключительно важными были именованья понятия «навоз, помет», ставшие также предметом внимания авторов атласа. Сама идея по удобрению почвы остатками жизнедеятельности животных говорит о следующей, более продвинутой фазе земледелия. В основном, как показывает этимологический анализ лексем *sonta*, *höšte*, *tade* со значением «навоз, помет» [см. ALFE, 2010. С. 163], они обладают прибалтийско-финскими корнями. Вепсский язык не имеет названных соответствий и стоит особняком; в нем функционирует встречающаяся только у вепсов лексема *here*, которая включается этимологами в словарное гнездо *hieroa* «тереть, натирать, растирать» [SSA-I. S. 160]. И. И. Муллонен высказала мысль о связи вепсского *here* с ливвиковско-карельским *hieru* «деревня, село», что, на наш взгляд, в семантическом аспекте является исключительно перспективной идеей. У населения, живущего подсечным земледелием, не было оседлых населенных пунктов. Оно передвигалось в поисках лесов по подготовке земель для занятий сельским хозяйством. Как пишет в атласе автор комментариев по названному понятию А. Хяннинен, об этом есть некоторые упоминания еще в налоговых книгах XV в. [ALFE. 2010. С. 65; см. также Sirelius, 1919. S. 244]. Когда стало укореняться стремление к оседлости, к строительству жилья, тогда возникла необходимость использовать одни и те же земельные участки, удобряя их. Появляются поселения, которые на вепсской почве, например, при их именовании могли обладать среди прочих апеллятивом *tanh*, *tanaz* «двор» [ср. поселения средних вепсов (Бабаевский район, Вологодская область): *Aksin/tanaz*; *Marku/tan(h)*, *Virah(n)/tan(h)*]. Данный апеллятив – это «память об однодворной деревне, включающей в себя *крестьянский двор* с принадлежащей ему землей» [Муллонен, 1994. С. 107]. В современных вепсских говорах *tanh/tanaz* – это «двор для скота» в отличие от «теплого зимнего поме-

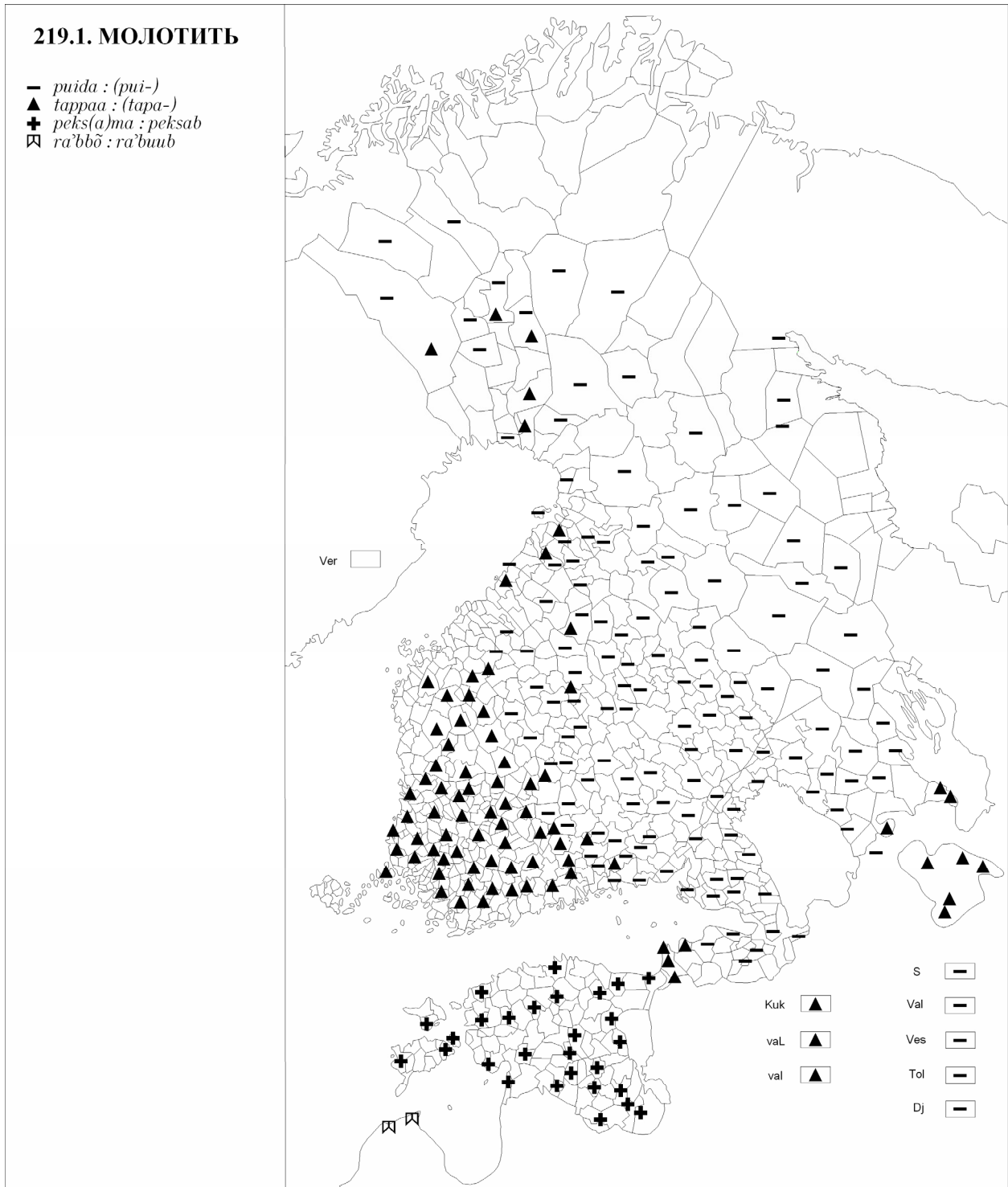
щения для скота» – *lävä*, где зимой навоз не могли хранить в большом количестве, выбрасывая его для временного хранения (особенно зимой) именно во двор. Видимо, в прежние времена наличие построек для скота, а также хранение в них естественного удобрения в постподсечный период для земледельцев было не менее важным, чем само жилье. Лексема *tanh/tanaz*, имеющая германские корни < **tanχu-* «твердо утоптанное место перед домом; огороженная дорога, *выгон*, место для скота» [SSA-III. S. 267], по кругу своих значений в языке-источнике отвечала данным требованиям при наименовании места поселения. По этой же семантической модели могла возникнуть и карельская лексема *hieru*, которую можно объединить с лексемой *hieroa* «тереть, натирать» и с вепским словом *here* «навоз, помет», т. е. здесь налицо подобная же семантическая связь, как в случае с лексемой *tanh~tanaz*: *жилое место (подворье, поселение)* < где утоптана < и унавожена земля. Названная лексема может стоять в ряду слов, у которых в ливвиковском наречии карельского языка форма номинатива и основа имени совпадают и оканчиваются на *-u*, как, например, *čurpu* «угол», *lökkü* «счастье» и т. д. Для карельского языка исторически был характерен переход *a>u* в форме номинатива, однако косвенные падежи сохраняли в своем составе *-a* [например, *akku* «женщина»: генитив *aka-n*]. Лексема *hieru*, по всей видимости, является более поздней по происхождению, возникшей во время активных карельско-вепско-ливвиковских контактов. Любопытно отметить, что следы подобных контактов, отразившиеся даже в заимствовании вепским языком грамматического показателя причастия прошедшего времени *-nuhu* (*ei sanuhu* «не получили»; ср. карельско-ливвиковское *ei saanuh*), удалось обнаружить также, например, при исследовании категорий вепсского глагола и истории происхождения их показателей, что отразилось в формировании куйско-войлахотских говоров средневепсского диалекта, территория распространения которого находится в Бабаевском районе Вологодской области, на границе с Карелией (см. Зайцева, 2002. С. 106, 234).

На наш взгляд, семантическая связь лексем *here* и *hieru* выглядит вполне убедительной и вносит еще один нюанс в карельско-вепские взаимоотношения.

Хотелось бы остановиться еще на одном важном моменте, имеющем отношение к обработке продуктов земледелия, – понятию «молотить». Оно обладает в прибалтийско-

финском регионе несколькими именованиями, наиболее древние из которых *tappa*, *puida*, *peksma*. Как свидетельствует анализ [ALFE, 2010. С. 100–102], наиболее древней из перечисленных является лексема *tappa*, представленная и во всем вепском регионе (*tapta*). Последний выступает здесь в одном ряду с юго-западной финской диалектной зоной, противостоя всем карельским наречиям, где функционирует более поздняя лексема

puida [см. карта «Молотить»]. Вторичные значения, которые появились впоследствии у лексемы *tappa* в прибалтийско-финских языках, прежде всего связанные со значением «убить, убивать», постепенно вытеснили ее семантику, связанную с сельским хозяйством, т. е. семантику «молотить». Однако вепский язык сохранил ее первоначальное значение, связанное с земледелием, во всех диалектах до нынешнего времени.

Таким образом, карты ALFE, посвященные земледельческим сюжетам, объединяют вепсский язык с эстонским и юго-западным финским регионом, свидетельствуя о довольно раннем возникновении элементов земледелия у вепсов, что убедительно подтверждают отдельные важные с точки зрения названной семантики термины, их возраст и распространение. Вепсский народ на более раннем этапе, нежели, например, карелы, освоил некоторые важные предметы и явления земледельческого обихода.

Литература

Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов. Петрозаводск: ПетрГУ, 2006. 447 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М.: Типографии А. Семена, 1863–1866.

Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л.: Наука, 1972. 746 с. (В тексте – СВЯ).

Зайцева Н. Г. Вепсский глагол. Сравнительно-сопоставительное исследование. Петрозаводск: Периодика, 2002. 287 с.

Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб.: Наука, 1994. 156 с.

Муллонен И. И. Формирование диалектной карты карельского языка в контексте карело-вепсского контактирования // *Karelia Written and Sung. Representations of Locality in Soviet and Russian Contexts / Edited by Pekka Suutari and Yri Shikalov. Aleksanteri Series 3/2010. Jyväskylä, 2010. С. 16–28.*

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М.: Прогресс, 1964–1973.

Atlas Linguarum Fennicarum, 1–3 // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 800. Helsinki, 2004–2010 (в тексте – ALFE).

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919.

Karjala. Historia, kansa, kulttuuri. Toimittaneet Pekka Nevalainen, Hannes Sihvo // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 705. Helsinki, 1998.

Karjalan kielen sanakirja, I–VII // Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI, 5. Helsinki, 1968–2005 (в тексте – KKS).

Koivulehto J. Pinta ja rasva // *Virittäjä, 90. Kotikielen Seuran aikakauslehti. Helsinki, 1986.*

Ruoppila V. Kalevala ja kansan kieli // *Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 245. Helsinki, 1967.*

Sirelius U. T. Suomen kansanomaista kulttuuria. Esineellisen kansantieteen tuloksia, I. Helsinki: Otava, 1919.

Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja, I–III // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 556. Helsinki, 1995–2000 (в тексте – SSA).

Vaba L. Läti laensõnad eesti keeles. Valge. Tallinn, 1977.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Зайцева Нина Григорьевна

зав. сектором языкознания, д. филол. наук
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск, Республика Карелия,
Россия, 185910
эл. почта: zaitseva@sampo.ru
тел.: (8142) 781886

Zaitseva, Nina

Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre, Russian Academy of Science
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: zaitseva@sampo.ru
tel.: (8142) 781886